

Литература

Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. II. М.: Л., 1963.

Цавелева Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (Книги I–VI) / Текст, пер., комм.; под ред. и с доп. А. В. Назаренко. М., 2004.

Hodinka A. Az orosz évkönyvek magyar vonatkozásai. Budapest, 1916.

Kristó Gy. Magyarország története. 895–1301. Budapest, 2003.

Magyarország történeti kronológiája. I. A kezdetektől 1526-ig. 3. kiad. Főszerk. Benda K. Budapest, 1986.

Mikhail K. Yurasov

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

MEDIEVAL HUNGARIAN CHRONICLERS
ON THEIR KINGS' "RUSSIAN POLICY"

The authors of medieval historical works of the Kingdom of Hungary did not approve the policy of their kings against Russia, considering the expansion to the East is futile. The forms of such disapproval were different: "lesson to the king", belittling the success of the Hungarian army in the Russian direction, but the most common was ignoring the information about the campaigns of the Royal army to the Russian lands, as it shows the complete silence about the attempts of the Hungarians to gain a foothold in southwestern Russia in 1188–1190 and 1205–1234.

Keywords: Hungary in the age of the Arpads, Ancient Rus, medieval Hungarian chronicles

УДК 94 (47) ВВК 63.3(2)45 DOI 10.25986/IRI.2019.47.66.001

М. Р. Яфарова

ИРИ РАН, Москва, Россия. myaf@bk.ru

ПОСОЛЬСТВО АФАНАСИЯ ПОРОСУКОВА В СТАМБУЛ В 1677–1678 г.¹

На основании комплекса посольской документации, отложившегося в фонде Посольского приказа «Сношения России с Турцией» в РГАДА и включающего в себя копии царских грамот к турецкому султану Мехмеду IV и великому визирю Кара Мустафе-паше, а также их ответные грамоты, указы посланникам, рассматривается позиция московского и отчасти османского правительств в указанный период: как они видели суть разворачивающегося конфликта и пути его возможного разрешения. Устанавливается, что в этот период московское правительство исходило из представления о том, что османское правительство само стремится к миру. Такое представление оказалось неверным. Великий визирь Кара Мустафа, желая осуществить реванш, добился поддержки в диване и официального объявления войны Московскому государству.

Ключевые слова: Чигиринские походы 1677–1678 г., русско-турецкая война, военная история, XVII в.

Чигиринские походы 1677–1678 г. стали ключевым эпизодом первого прямого конфликта между Османской империей и Россией. Между тем в их истории имеется сюжет, который пока недостаточно изучен. Речь идет о русском посольстве Афанасия Поросукова, ездившем в Стамбул зимой 1677–1678 г., соответственно между 1-м и 2-м Чигиринскими походами.

Общая история и ход посольства были освещены [Соловьев, с. 205–206; Смирнов, с. 144–146; Ходырева, с. 150]. Однако, как представляется, посольство А. Поросукова интересно прежде всего тем, как обе стороны видели суть конфликта и пути его возможного разрешения. На данный момент исследований, рассматривающих посольство А. Поросукова с этой точки зрения, нет.

В фонде 89 Посольского приказа в РГАДА сохранился комплекс посольской документации, включающий в себя копии грамот к турецкому султану Мехмеду IV и великому визирю Кара Мустафе-паше, царский наказ А. Поросукосу и его статейный список, который позволяет представить позицию московского правительства в этот период. Что касается османских источников, то протоколы заседаний дивана за этот период не сохранились [Demir, s. II–III]. В то же время происходящие события при османском дворе были зафиксированы французским резидентом в Стамбуле Франсуа де ла Круа.

Посольству Афанасия Поросукова предшествовали не просто пограничные конфликты, но масштабное вторжение 40-тысячной османской армии под командованием бейлербея Силистрии Ибрагим-паши, которое завершилось неудачной осадой Чигиринской крепости в 1677 г. Важной особенностью ситуации было то, что война между Россией и Портой, несмотря на военные действия, не была объявлена. Возможно, это было связано с тем, что Москва и Стамбул не представляли степень вовлеченности друг друга в дела Правобережного гетманства и не были уверены в готовности друг друга вести полномасштабную войну за эти территории [Яфарова, с. 115–190].

Неудача османских войск под Чигирином в 1677 г. могла, по мнению Москвы, подтолкнуть турецкое правительство к поиску мирного разрешения конфликта. В этой связи московская сторона предпочла воспользоваться ситуацией и прояснить планы османов на будущий 1678 г., тем более что с осени 1677 г. до Москвы стали доходить многочисленные известия о том, что Порта готовит новое вторжение на Украину. В ноябре 1677 г. в Москве было принято решение о возобновлении прерванных в начале 1670-х годов дипломатических связей с османским правительством [Флоря, 2001, с. 127].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00496.

Решение об отправлении посольства было принято 19 ноября 1677 г. на заседании Боярской думы². В Стамбул должен был направиться стольник Афанасий Поросуков вместе с подьячим Федором Старковым и толмачом турецкого языка Григорием Волошенином. Выбор А. Поросукова, как представляется, был не случайным. С одной стороны, у него уже имелся опыт посольской поездки в Стамбул в 1669–1670 г. [Ходырева, с. 88–89], с другой — по всей видимости, речь шла не только о дипломате, но и о человеке военном, способном вести разведывательную деятельность.

Основной вариант грамоты Федора Алексеевича к султану Мехмеду IV был составлен 6 декабря. Начальная ее часть посвящена краткому обзору русско-османских отношений первой половины XVII в., когда московские государи и османские султаны «имели великую братцкую дружбу и любовь, и послы и посланники, и гонцы ссылались почасту»³. Речь прежде всего идет о 1628–1630 г., когда в Москву приезжал османский посол Фома Кантакузин с предложением о заключении русско-турецкого союза против Речи Посполитой [Флоря, 2004] и возвращении Азова, захваченного донскими казаками в 1637 г., в османское подданство⁴. Далее Федор Алексеевич извещал Мехмеда IV о кончине своего отца и своем вступлении на престол, и ввиду этого, «вспомняв съ его салтановым величеством исконную дружбу и любовь предков наших... восхотели такъже дружбу укрепить и утвердить, и послы и посланники ссылатца без уриву»⁵. Упоминался в тексте и поход османов к Чигирину в 1677 г., однако московское правительство было склонно рассматривать его как следствие недопонимания между Стамбулом и Москвой: «в прошлом, во 186-м году... его салтаново величество присылал в наши царского величества украинные города пашей своих с войски и хана с татары войною под Чигирин, и того никогда мы, великий государь... с стороны брата нашего, его салтанова величества, по укреплению исконные дружбы не чаяли». Поэтому сразу же добавлялось: «Но еще надобно было всегда нашего царского величества недругу недругом и искать всякого добра»⁶.

Федор Алексеевич предлагал Мехмеду IV подумать о возобновлении дружеских взаимоотношений: «И буде ваше салтаново величество по исконной дружбе с нами... восхотете пребывати в братцкой дружбе и любви, и в частых обсылках, и мы... по тому жь с вашим салтановым величеством ту исконную дружбу содержать желаем»⁷.

Грамота к великому визирю в целом повторяла основные положения грамоты, написанной к Мехмеду IV. При этом Москва призывала Кара Мустафу-пашу быть посредником при переговорах и попытаться склонить султана к миру. Великому визирю следовало «Магмет салтанова величества ко всякому добру наговорить, чтоб его салтаново величество по исконной дружбе с нами... в братцкой крепкой дружбе и любви, и в ссылах, а плен и войну отставил»⁸. В грамоте прямо указывалось, что если визирь согласится с таким предложением, то из Москвы «за твою, большого везира, службу и радение учнем к тебе держать наше царского величества жалованье по твоей службе, и служба твоя и раденье у нас, великого государя, в забвенье не будет»⁹. Как видно, русское правительство пыталось заручиться поддержкой высших османских сановников и допускало, что такой фигурой может стать великий визирь. Как показали дальнейшие события, выбор оказался ошибочным.

Из приведенных выше текстов следует, что грамоты должны были служить толчком для начала переговоров между Москвой и Стамбулом, при том только в том случае, если султан имел «склонность к миру». В этой связи более полное представление о целях посольства в Стамбул может дать наказ А. Поросукову.

Наказ был дан 5 декабря 1677 г., он включал основные статьи, описывающие внешнюю сторону предстоящего посольства, и статьи, данные в запас, в которых излагались ответы на возможные вопросы османского правительства и раскрывались детали посольской миссии. В целом А. Поросукову следовало говорить с визирем и пашами «остерегательно, чтоб привести обоих великих государей в прежнюю братцкую дружбу и любовь»¹⁰. Если великий визирь будет настаивать, что военные действия спровоцировало Московское государство, приняв «под свою царского величества руку Дорошенка со всею Украиною», то А. Поросукову следовало отвечать, что «он прислан от великого государя своего... ко государю их к Магмет салтанову величеству с его царского величества грамотою, а о делех ему ни о каких говорить не наказано»¹¹.

Кроме этого, А. Поросукову предписывалось сказать визирю, что «из древних лет Украина, которая зовется Малою Росиею, пребывала под державою благочестивых государей, царей и великих князей Росийских и киевских предков его царского величества, и не в которое время от подданство предков ево государевых поотлучилась». Однако, по мнению московской стороны, после 1654 г. «буде бы Дорошенко, изменя великому государю... и похотел быть в подданстве у салтанова величества, и салтанову было величеству, памятуя предков своих укрепленную исконную дружбу с великими государя, цари и великими князи Росийскими, не токмо такова изменника принимать, но и помочи на таких изменников не давать, как о том обнадежены великие государя Московские прежних салтанов дружбою и обещательными укрепленными грамотами. ...И то ныне надобно крепко содержать и исправить, и старой

² РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 15. Л. 12.

³ Там же. Л. 26.

⁴ Там же. Л. 26 об.—28.

⁵ Там же. Л. 29.

⁶ Там же. Л. 29 об.—30.

⁷ Там же. Л. 32—32 об.

⁸ Там же. Л. 37.

⁹ Там же. Л. 37—37 об.

¹⁰ Там же. Л. 61 об.

¹¹ Там же. Л. 52 об.—53.

дружбы не терять»¹². Здесь стоит обратить внимание на некоторые нюансы. В наказе никак не упоминались Речь Посполитая и борьба с ней за украинские земли. Царский наказ непосредственно апеллировал к Переяславскому договору 1654 г., игнорируя Андрусовское перемирие 1667 г., закрепившее разделение Украины на Левобережное и Правобережное гетманства между Россией и Польшей. Такой подход не был случаен. Польско-турецкая война 1672–1676 г. привела к тому, что земли, входившие в состав гетманства П. Дорошенко, перешли под юрисдикцию Османской империи, что было закреплено сначала Бучачским (1672), а затем и Журавенским миром (1676). К 1676 г. Речь Посполитая перестала участвовать в борьбе за Украину [Флоря, 2016, с. 89], такой поворот событий открывал перед московским правительством возможность, как представляется, утвердить свою власть на территории Правобережной Украины без участия Польши.

Наибольший интерес представляет восьмой пункт наказа, в котором рассматривались полномочия А. Поросукова на ведение переговоров с османским правительством. Если визирь спросит у А. Поросукова: «Ему от царского величества наказано ли о тех делах, о чем с ним в его царского величества грамотах к салтанову величеству писано, закрепить? Или будут для того присланы особые послы?» Русским дипломатам в этом случае следовало подчеркнуть, что их миссия заключается только в том, что присланы они «к салтанову величеству з грамотою, и его великого государя здоровье видети, а царского величества здоровье ему, великому государю, возвестити, и о дружбе и о любви напомянути. А как меж их обоих великих государей прежняя братцкая дружба обновити, и о том с ним от царского величества не наказано. О том бы великий государь, их салтаново величество к брату своему, к великому государю, к его царскому величеству, писал и наказал с своими послы»¹³.

Итак, несмотря на то что по наказу А. Поросукору следовало доказывать необоснованность притязаний Стамбула на Украину, посланники не только не получили полномочий на ведение переговоров с османским правительством, но и должны были настаивать, что цель посольства — формальная. Она заключалась лишь в уведомлении о вступлении на престол Федора Алексеевича и напоминании об «исконной дружбе». По мысли русского правительства, посольство с предложением о мирном разрешении конфликта должно было быть направлено турецкой стороной, что свидетельствует о том, что в Москве не рассматривали дипломатическую часть миссии как основную. Как представляется, речь в первую очередь шла о проведывании османских планов и сборе информации об армии, которая могла двинуться на Украину в 1678 г.¹⁴ Сохранившаяся документация показывает, что объемы получаемых в Москве сведений были значительны¹⁵.

12 декабря посольство во главе с А. Поросукковым выехало из Москвы и отправилось «сухим» путем через земли молдавского господаря в Стамбул, что, безусловно, было связано со сбором информации об османской армии. В предместьях Стамбула дипломаты прибыли 5 марта 1678 г., когда османские войска уже собирались выступить в поход. Так, в своем статейном списке А. Поросукков указывал, что в это же время ему «ведомо... учинилось, что солтан и везирь с войски своими из Царягорода вышли за 2 версты и стоят в поле в шатрах»¹⁶.

24 марта 1678 г. состоялся прием русского посольства великим визирем Кара Мустафой-пашой. По его рассказу, когда он «перед везиря вошел в шатер, тогда везирию поклонился по обычаю и от подьячего взял Афонасей великого государя грамоту, пошел блиско к везирию, а везирь в то время сидел, а около ево стояли человек с 100 и болши многие урядники солтанские и ево везирские. И как Афонасей подшед блиско везиря, тогда ево, Афонасья, взяли под руки 2 человека копычи баши (начальник дворцовых слуг. — М. Я.) и, приведчи к везирию, наклоняли трожды к ногам ево с великою нуждою. И Афонасей, не уклонясь, везирию говорил: “Для чево силно ево, Афонасья, везирию наклоняют? А он, почитая ево, везиря, и так по обычаю поклонился. И такова чину ни у которых великих государей, чтоб силою принуждали послов или посланников, или посланных кланятца в ноги”. И переводчик говорил: “Чего ради он, Афонасей, воли такова великова человека противен чинитца, и к ногам ему не кланетца, и в полу не целует? А ему, де, везирию, всех окрестных государей мусульманских и христианских не токмо посланные, но и великие послы укланяютца к ногам и в полу целуют, а он, Афонасей, от государя своего прислан до государя их Магмет солтанова величества в малой особе”. И Афонасей говорил, что ему, Афонасью, иных государей не токмо посланные, но и великие послы не образец, и к ногам везирию кланятца и в полу ево целовать ему, Афонасью, не пригоже для того, что прислан он от великого государя, от его царского величества ко государю их Магмет солтанову величеству, а не к нему, везирию. И везирь велел великого государя... грамоту у Афонасья принять посольскому дьяку реиз Магмет афенди (министру иностранных дел. — М. Я.). И Афонасей говорил, чтоб он, везирь великого государя... грамоту принял у него, Афонасья, сам, и везирь великого государя грамоту принять хотел сидя. И Афонасей говорил, чтоб он, везирь великого государя... грамоту принял со учтивостию стоя. И везирь приказал у Афонасья царского величества грамоту взять чауш баше (начальнику личной гвардии. — М. Я.) да посольскому дьяку силно. И по приказу везирскому помянутой чауш и дьяк царского величества грамоту у Афонасья взяли силою и поднесли везирию. И везирь велел ему, Афонасью, ехать на подворье, а грамоту отдал для перевода переводчику»¹⁷. О вызывающем поведении Кара Мустафы-паши сообщал также Ф. Яковлев, который был проводником посольства в Стамбул¹⁸.

¹² Там же. Л. 55 об.—56 об.

¹³ Там же. Л. 61—61 об.

¹⁴ Там же. Л. 63—63 об.

¹⁵ Об успешной разведывательной деятельности см. подробнее: [Смирнов, с. 144—146; Ходырева, с. 150—153].

¹⁶ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 17. Л. 45 об.

¹⁷ Там же. Л. 56 об.—59 об.

¹⁸ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. 1677—1678. СПб., 1884. Т. 13. № 137. Стб. 598—599.

Итак, А. Поросук сумел добиться аудиенции лишь у великого визиря, к султану он допущен не был, при этом посланная с ним грамота к султану была отобрана насильно¹⁹.

Однако из сведений французского резидента в Стамбуле Ф. де ла Круа становится понятно, что великий визирь описывал прием русского посольства в несколько ином свете, очевидно, с целью склонить высших османских сановников к объявлению войны. Французский резидент, в частности, писал, что поведение гонца было описано Кара Мустафой-пашой как вызывающее: произнеся титулы султана, дипломат «отдал письмо и отправился к выходу, без всяких церемоний, кроме того, что стража проводила его»²⁰.

29 марта в Стамбуле было проведено секретное совещание. Некоторые, как пишет де ла Круа, склонялись к тому, чтобы возобновить мир, утверждая, что «ведение войны в этих пустынях опасно для армии»²¹. Однако стремление Кара Мустафы-паши возглавить предстоящую военную кампанию и укрепить свою власть²² [Uzunzarsili, s. 378] привело в итоге к тому, что на заседании дивана было окончательно решено, что османскую армию возглавит именно великий визирь, а не султан²³.

При этом, как сообщал А. Поросукону Константинопольский патриарх, изначально планировалось, что грамоту царю направит только великий визирь: а «салтан, гордости ради своего поганской, со ответствованием к великому государю... грамоты своей посылать не указал»²⁴. Это сообщение вызвало серьезную обеспокоенность русских посланников, так как данное действие не только демонстрировало враждебное отношение османского правительства, но и умаляло царскую честь. Пришлось послать подарки от себя «салтанова величества к ближним людям, которые до посолских дел належат и везирь их слушает... а они могут о том везиря наговорить, что к царскому величеству с ним, Афонасьем, солтан свою грамоту со ответствованием пошлет»²⁵. В конечном итоге, благодаря предпринятым усилиям²⁶, русскому посольству удалось добиться получения грамоты и от турецкого султана.

127 апреля 1678 г. Порта официально объявила войну России. 6 апреля А. Поросук был на отпуске у Кара Мустафы-паши. Великий визирь объявил, что уже 20 апреля султан выступит на малороссийские города²⁸. Посылать послов или гонцов в Москву вместе с русскими посланниками османское правительство категорически отказалось²⁹.

В грамотах турецкого султана и великого визиря, которые получили в Москве 1 июня 1678 г., подчеркивалось, что «причину недружбы» стал украинский вопрос. Московское правительство было выставлено зачинщиком начавшихся в 1677 г. полномасштабных военных действий, после того как приняло в свое подданство гетмана Петра Дорошенко. По словам Стамбула, в 1677 г. Ибрагим-паша «принимать Украину послан был к крепости Чигиринской», однако русско-украинская армия «боем огонь недружбы возбудили есте»³⁰. При этом подчеркивалось, что Правобережная Украина досталась Порте в результате военных действий против Польского государства и права турецкого султана на данные территории, таким образом, обоснованы. Также московскому правительству предлагалось направить послов в 1678 г. в движущийся к Днепру обоз турецкой армии с предложением мира и уступкой Чигиринской крепости и всего правого берега Днепра³¹. Из этого следует, что османы отказывались первыми делать шаги в сторону мирного урегулирования конфликта, более того, они обвиняли московскую сторону в развязывании военных действий.

Подводя итоги, следует сказать, что в историографии установилось мнение, что посольство А. Поросукова было неудачным, ему не удалось добиться мирного разрешения конфликта [Смирнов, с. 145–146; Ходырева, с. 150]. Однако, как показывает анализ посольской документации, перед русскими посланниками такой задачи не ставилось. Повод для отправления посольства был выбран формальный, дипломаты не получили полномочий для ведения переговоров с османами. Ни московское, ни османское правительства на данном этапе всерьез не рассматривали возможность мирного разрешения конфликта.

Итак, нет оснований говорить, что, отправляя посольство в конце 1677 г., русская сторона искала мира. В то же время можно считать, что московское правительство недооценивало готовность турок вести вооруженную борьбу за территорию Украины и в целом плохо представляло себе ситуацию при османском дворе. Кара Мустафа-паша, желая осуществить реванш, добился поддержки в диване и официального объявления в апреле 1678 г. войны Московскому государству. Военный конфликт 1678 г. оказался неизбежен.

¹⁹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 17. Л. 69.

²⁰ *De la Croix F. Guerres des Turcs avec la Pologne, la Moscovie et la Hongrie. Paris, 1689. P. 191–192.*

²¹ *Ibid. P. 194–195.*

²² *Vuslati Ali Bey. Gazâ-nâme-i Zehrîn. Ankara, 2003. S. 10.*

²³ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 12. Д. 1157. Л. 13–14.

²⁴ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 17. Л. 80.

²⁵ Там же. Л. 89.

²⁶ Известно, что для этих целей А. Поросукону пришлось тайно занимать у греков, «у проводинских жителей», 350 золотых червонцев (см.: РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 17. Л. 90 об.).

²⁷ По юлианскому календарю.

²⁸ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 17. Л. 95–95 об.

²⁹ Там же. Л. 89.

³⁰ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 14. Л. 119 об.

³¹ Там же. Л. 113 об.–126 об.

Литература

- Смирнов Н. И. Россия и Турция в XVI–XVII вв. // Ученые записки МГУ. М., 1946. Вып. 94. Т. 2.
- Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1991. Кн. VII. Т. 13–14.
- Флоря Б. Н. Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672–1681 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. Ч. 2. С. 108–148.
- Флоря Б. Н. Фома Кантакузин и его роль в развитии русско-османских отношений в 20–30-е гг. XVII в. // Россия и христианский восток. М., 2004. Вып. II–III. С. 248–288.
- Флоря Б. Н. Россия, Речь Посполитая и Правобережная Украина в последние годы гетманства П. Дорошенко (1673–1677 гг.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 3 (65). С. 76–90.
- Ходырева Г. В. Взаимоотношения России и гетманов Украины с Турцией в 1666–1681 гг. Дисс. ... канд. истор. наук. М., 2001.
- Яфарова М. Р. Русско-османское противостояние в 1677–1681 гг. Дисс. ... канд. истор. наук. М., 2017.
- Demir M. Tarihli Atik ikâyet Defteri'nin Transkripsiyonu ve Değerlendirilmesi. İstanbul, 2010.
- Uzunçarşılı İ. H. Osmanlı tarihi. Ankara, 1956. Cilt. IV.

Madina R. Yafarova

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

THE EMBASSY OF AFANASIY POROSUKOV TO ISTANBUL, 1677–1678

The study is based on the complex of documentation of Posolsky prikaz (collection “Relations between Russia and Turkey”, Russian State Archive of Ancient Acts), which includes copies of Royal letters to the Turkish Sultan Mehmed IV and Grand vizier Kara Mustafa Pasha, as well as their letters, the instruction for the embassies, etc. The position of the Moscow and Ottoman governments in the specified period is considered: how they saw the essence of the unfolding conflict and the ways of its possible resolution. It is established that during this period, the Moscow government assumed that the Ottoman government itself sought peace, which appeared to be wrong. Grand vizier Kara Mustafa, wishing to exercise revenge, achieved the support of the divan and, after a formal declaration of war, the further escalation of military conflict became inevitable.

Keywords: Chygyryn Campaigns, Russian-Ottoman war, 17th century, military history